

А. С. Глаголева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
glagoleva.anastasiia@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕКСЕМЫ *ЛИШЬ* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье на материале контекстов из Национального корпуса русского языка рассматриваются этапы семантического развития лексемы *лишь* и ее перехода от компаративной формы к частице. Установлено, что в процессе трансформации структуры рассматриваемого слова его функция изменилась в направлении от сопоставления в ряду других таких же объектов к усилению и выделению одного объекта вне сравнения и сопоставления с чем-либо.

Ключевые слова: *лишь*, частица, прилагательное, предлог, союз, этимология, полнозначная лексика, транспозиция.

Anastasiya S. Glagoleva
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
glagoleva.anastasiia@mail.ru

The semantic evolution of the lexeme *лишь* in the history of the Russian language

The article examines the stages of semantic development of the lexeme *лишь* and its transition from the comparative form to the particle, based on the material of contexts from the National Corpus of the Russian language. Etymological data indicate that the particle *лишь* is the result of the development of the adjective *лихьи* in its frozen short form *лихъ*. Further, this word acquired an adverbial meaning, then it began to be used in the function of a preposition, and finally as a particle, as well as a conjunction. This process began in the 11th century, and the most active phase of the semantic change took place in the 15th century. It is argued that, in the process of transformation of the structure of the word in question, its function has changed in the direction from comparison in a number of similar objects to strengthening and highlighting one object beyond comparison with anything.

Keywords: particle, adjective, preposition, conjunction, etymology, full-meaning vocabulary, transposition.

Этимологические данные свидетельствуют о том, что частица *лишь* является результатом развития адъектива *лихьи* в его

застывшей краткой форме *лихъ*. Г. П. Цыганенко указывает на то, что «современная форма отмечается с 1-й половины XVIII в. Она возникла на базе др.-рус. *лише* после отпадения безударного *-е*. Древнерусское *лише* было формой сравнительной степени среднего рода прилагательного *лихъ* и выражало значение ‘больше, излишне’, а также ‘кроме, только’» (Tsyganenko 1989: 215–216). Те же сведения приведены в (Vasmer 1986: 507; Shansky 1971: 243; Korešný 1980: 414–415).

В «Этимологическом словаре славянских языков» отмечены соответствия в сербохорватском (предлог *lišie* со значением ‘кроме; вне, снаружи’ и наречие ‘очень много’) и украинском (наречие *lišé* ‘только, лишь, но’) языках (Trubachev 1988: 155). В диалектной системе русского языка представлены формы *лиша*, *лишо*, *лише* с разноместным ударением, употребляющиеся как наречие ‘только что’, ‘вдобавок’, частица ‘неужели’, ‘даже’, ‘лишь’, союз ‘как только’, ‘тоже’, а также форма *лиш* со значением ‘нечетное число’, ‘избыток’ (СРНГ 1981: 90). М. А. Бобрик указывает на контаминацию противоположных значений в прилагательном *лихьи* / *лихой*, которая отражается также и в диалектных названиях существ: «Семантика <...> объединяет в себе, по сути, два ряда значений: один строится на идее недостатка (лишения), а другой — на идее избытка (излишка)» (Bobrik 2014: 268). Перечисленные функции и значения отражают исторические этапы семантического развития лексемы *лишь*, о которых пойдет речь далее.

Согласно лексикографическим источникам, обособление краткой формы прилагательного отмечается уже в древнерусском языке: *лише* фиксируется в (Dic. XI–XIV, 1991: 415–416) со значениями 1. ‘сверх, свыше, более чего-л.’; 2. ‘в большей степени, сильнее, более того’; 3. ‘кроме, помимо’; 4. ‘хуже, злее’, при том, что семантическая структура производящей основы *лихьи* выстраивается в противоположном направлении (от пейоративно маркированного значения к обозначению чрезмерности): 1. ‘дурной, злой’; 2. ‘плохой, испорченный, с изъяном’; 3. ‘излишний, чрезмерный’, 4. ‘лишенный чего-л.’ (Dic. XI–XIV, 1991: 409–410).

Данные в (Dic. XI–XVII, 1981) сообщают о частеречной принадлежности заголовочного слова в условиях разных контекстов и значений: «I. Нареч. Больше, сверх нормы. II. Предлог с родительным падежом. 1. Сверх, свыше чего-л. 2. Кроме.

III. Частица и союз. 1. Выделительно-ограничительная частица. Только, лишь. || В значении союза. Употребляется при соединении предложений, из которых одно противопоставляется другому по линии ограничения какого-л. утверждения, частичного его отрицания. || В значении союза. Употребляется для присоединения предложения, выражающего пожелание. 2. Условный союз. Употребляется в начале условного придаточного предложения в знач. 'если'. 3. Временной союз. Употребляется для присоединения придаточных временных предложений и обозначает, что действие, о котором говорится в главном предложении, наступает сразу после действия, о котором говорится в придаточном предложении, в знач. 'едва, только, как только'» (Dic. XI–XVII, 1981: 259).

В дальнейшей исторической перспективе набор значений и функций рассматриваемого слова сохраняется в рамках служебных частей речи — частицы и союза:

«ЛИШЬ (-ше, обл. -шо), частица и союз. I. частица. 1. выделит.-ограничит. Только, единственно, исключительно. || Лишь бы. Употр. в предложениях, выражающих пожелание. II. союз. 2. Употр. для присоединения предложений, ограничивающих или выделяющих сказанное, в знач.: только. 3. временной. Как только, едва. 4. цели. Только для того, чтобы. 5. условный. Если бы только» (Dic. XVIII, 2000: 209).

Следовательно, начальной точкой семантической эволюции *лишь* стало адъективное значение, развившееся в современную семантику ограничительности. Корпусные данные подтверждают процесс развития значений, изложенный в (Dic. XI–XVII).

На начальном этапе (XI–XV вв.) форма *лише* имеет выраженное наречное значение:

(1) *Аще бо любите любящая вы, кую мзду имаате, не и мытарие ли такожде творять и аще цѣлуете другы вашия тѣкъмо, чьто лише творите, не и мытарие ли такожде творять* (1057) (Dic. XI–XVII, 1981: 259).

(2) *Не буди праведень велми, ни мудръ лише, да не како изумѣещися* (1499) (Dic. XI–XVII, 1981: 259).

В приведенных примерах *лише* иллюстрирует типичную для формы сравнительной степени семантику интенсификации признака и действия, и, так как образование такой формы характерно и для прилагательного, и для наречия, в отношении этого этапа развития рассматриваемой лексемы возможно предполо-

жить функциональную контаминацию наречия и прилагательного, реализовавшуюся в лексеме *лише*. Н. В. Чурмаева утверждает, что «наречия с суффиксами сравнительной степени употребляются в древнерусских памятниках при сопоставлении одного и того же признака по силе его проявления. Эта функциональная особенность наречий на *-е -ѣе* в ранний период является, по-видимому, основной, но не единственной и не изначальной. Более общее и более древнее значение формантов — усиление признака, выражаемого общеименной или адвербиальной основой. <...> Исторические более стабильными были отношения наречных пар с качественным значением, т. е. таких, как <...> *лихо* — *лише*, поддерживаемые такими же отношениями сравнительности у соотносительных прилагательных» (Чурмаева 1989: 127, 129). Эти наблюдения над семантикой интенсивности и условиями соотносимости находят отражение и в представленных выше примерах.

В XII–XV вв. происходит переход *лише* в предлог со значением ‘кроме’. Этот предлог выделяет один объект из множества при перечислении или сопоставлении:

(3) *Ѡ изосимѣ поклана(ниѣ) ... ..л[ъ] века ж в[а]с[ъ] а нѣна не [и](м)[амь вѣ]лости лише вѣс[ъ] а ѡ за вѣ бѣа молю съдила и граврна и марна и олсавя и домьника мѣнога же в[ы] лѣта [RUSCORPORA: Берестяная грамота 503 (1140–1160)].*

(4) *И еще за все имѣнїе имѣю книги сїа, ими же утѣшаетъ ми ся душа и сердце веселитъ; лише же сихъ трехъ хлѣбовъ не имамъ ничѣто же, но токмо Тебѣ помощника и заступника и кормителя [RUSCORPORA: Степенная книга («Книга Степенная царского родословия»). 5-я степень [Юрий Владимирович Долгорукий] (1560–1563)].*

(5) *Тѣмже и тако сего ради многашьды хожаше по келнїамъ оученикъ своихъ. и аще чѣто обрацааше оу кого. ли брашьно сънѣдно. ли одежею лише оуставьныа одежа. или Ѡ имѣнїа чѣто. сна вѣзъмъ вѣ печь вѣмѣташе [RUSCORPORA: Нестор Печерский. Житие Феодосия (1080-е)].*

Идея обособленности проявляется также в семе ‘сверх’ (чаще в сочетании *лише мѣры*):

(6) *аще и корабль лише мѣры вложшии. то погразнетъ и имѣнье погуби(т)* [RUSCORPORA: Поучения св. Евсевия (до середины XII в.)]

(7) *важъ разбон вьмѣнитъ гѣ. Клеветници же не исправляемъ. истинни являютъся: яко кгда сървачеши ближняаго своего. почьсти и лише мѣры. вьбими и и цѣлоуи съ многожъ чьстью. и похвали и коже не имать. и кгда разидешиа отъ него. рьци о немъ вьса добраа.* [RUSCORPORA: Изборник 1076 г. (перевод X в. (Болгария)].

Е. Т. Черкасова отмечает, что «в этот период (XII–XIV вв. — прим. авт.) краткие формы прилагательных еще не были закреплены в предикативной функции; естественно поэтому, что и те краткие прилагательные, к которым восходят предлоги, сложившиеся в XII–XIV вв., были известны и в непредикативном употреблении — в качестве субстантивированного слова и реже — в качестве согласованного определяющего слова или наречия» (Cherkasova 1967: 190). Следовательно, образование предлога *лише* в этот период было детерминировано в том числе и синтаксическими условиями и реализовалось в направлении: краткая форма прилагательного в непредикативной функции — наречие — предлог.

Одновременно с этим, в XIII–XV вв., происходит преобразование семантики сравнительной степени прилагательного *лише* ‘больше’ в ‘излишек’, реализующееся в существительных:

(8) (...) ... (п)оло цетъ[[ве]ре[т]и гривни тиме ти есем- ----- 8' смена 8' масника за цето еси ·в̄· гривни 8'зале мое лише возми захарне 8' попа · се [ли не] 8'дасте да со изростгы водасте [RUSCORPORA: Берестяная грамота 483 (1260–1280)];

(9) [а] ли[ш]([е бы отда)ли зати а мѣк штъцьъ бы по(слоухъ) [RUSCORPORA: Берестяная грамота 339/341 (1380–1400)].

Из примеров (8) и (9) следует, что референтивная функция *лише* начинает трансформироваться от функции обозначения объекта из однородного ряда к обозначению этого объекта как самостоятельного — нивелируется значимость противопоставления и сопоставления, актуальная для *лише*-предлога; при этом соотношение с «общей массой», к которой относится ‘нечто лишнее’, еще сохраняется (так, в примере (8) речь идет о

деньгах, но их упоминание в фразе необязательно для понимания). Примечательно, что такое словоупотребление встречается только в берестяных грамотах.

Интересно отметить, что субстантивная семантика в контекстах после XV века соотносится с существительным *лишек*, а с XVIII в. чаще употребляется его дериват *излишек*:

(10) *Да в котором будет поле пашни лишек, и ты б тот лишек прикладывал к меньшему полю, и наверстал гораздо, чтоб тебе однолично во всех трех полях пашня в книги ровно написати* [RUSCORPORA: Грамота Ивана IV Белозерскому губному старосте Я. М. Гневашеву о разделе Белозерской вотчины И. П. Федорова (1568.11.20)].

(11) *И тот лишок у Данилка не отписан потому, что велено ему кормити мать свою да брата своего* [RUSCORPORA: Докладная разъезжая, с доклада ц. Ивану Васильевичу, кн. Ивана Васильева сына Мещерского земле Чудова монастыря с. Липятино с поместной землей Данилы Истомина сына Толстого с. Семеновское в Каневской вол. Коломенского у (1556.05.15)].

(12) *Да послал, г(о)с(у)д(а)рь, из Чубароваи с Михаилом Антиповым 13 рун шерсти, а вьсу у них 19 гривенок, да 15 поярков, вьсу в них 4 гривенки с лишкам* [RUSCORPORA: Грамотка приказчика И. Никитина и старосты И. Павлова из с. Чубарово (1673.11.23)].

Начиная с XV в., меняется интегральная сема — от ‘одно из перечисленного’ к ‘одно вообще, вне перечисления’; такое значение сохраняется и в современном языке. Указанную семантику частицы *лишь* описал С. Л. Сахно: «доминирует идея сведения данного класса или множества Y к когнитивно и коммуникативно “маргинальному” элементу или подмножеству X. При этом не исключаются другие элементы или другие подмножества (‘X и не больше’, ‘X, но можно было бы предполагать и нечто иное или предполагать нечто более значительное’)» (Sahno 2019: 49).

Ввиду развития дискурсивного значения, выражающего особое ограничительно-выделительное отношение говорящего к некоторому предмету, действию или состоянию, этот этап можно считать началом формирования частицы *лише*:

(13) *Подоба же скратити слово и не лише умудряти, не умѣа, или ухищряти к суцим любомудрием исполнь, к суцим*

разума и паче нас умошь вышшимъ и вѣщимъ [RUSCORPORA: Из Великих Миней Четых митрополита Макария. 26 апреля. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием (1530–1554)].

(14) *А какъ осолятъ негнетуть, лишь одно верхнее дно накинеть на верхъ* [RUSCORPORA: Торговые книги начала XVII века (1600–1610)].

(15) *И Федот говорил: «Милостию божию, государьским жалованьям и великого государя царя и великаго князя Михаила Федоровича, всеа Руси самодержца, и Левонтья, царя дидьянскаго, не кручинна; одна леша на нас забота, что не дал долго царь Левонтей очей своих видеть* [RUSCORPORA: Статейный список Федота Елчина (Грузия) (1639–1640)].

Примеры (14) и (15) иллюстрируют вариативность орфографического оформления частицы в текстах XVI–XVII веков: встречаются также варианты *лишише*, *лишишу*, *лишь*, *лиша*. Устойчивая тенденция к употреблению формы *лишь* наблюдается с XVIII века.

На завершение процесса формирования частицы *лишь* указывают контексты XVII и последующих веков, содержащие контактно расположенные частицы *бы*, *же*, *только*:

(15) *Лише же молю, да сие творите, да вскоре миръ даст нам от злобы их кровию завѣта вѣчнаго Господа нашего Исуса Христа!* [RUSCORPORA: Хворостинин Иван Андреевич. «Словеса дней, и царей, и святителей московских» (первая четверть XVII в.)].

(16) *А за сто стерледеи рубль, а за судоки и за леци за десяток по десяти алт(ын), — или де как он изволит, мы де ради, чем ни пожалуй[ет], лиша б де изволил приказат(ь) к нам зараняя, и мы де приготвим, а ныне де рыба дешева* [RUSCORPORA: Грамотка приказчика А. Никитина в с. Спасское (1682.10.25)].

(17) *Теперь лишь только вступил онъ на сороковой годъ: а роскошное его житіе тѣло его привело въ дряхлость* [RUSCORPORA: О неудовольствіи (перевод с нем.) // Праздное время въ пользу употребленное. 1759 Годъ съ Іюля мѣсяца, 1759].

Дополнительные выделительные маркеры подчеркивают начавшуюся десемантизацию частицы. Этот фактор способст-

вовал возможности употребления *лишь* в функции союза с семантикой ограничения, присоединения или времени:

(18) *Пускай его пишетъ что хочетъ, лишь бы намъ возвратиться домой.* [RUSCORPORA: А. С. Шишков. Письма жене (1813–1814)].

(19) *И как есаул шел наперед, а сестра Ивана-богатыря шла позади, и лишь только вступил он в ту комнату, как названная сестра Ивана-богатыря ударила есаула саблею из всех сил и отрубила ему голову.* [RUSCORPORA: Сказка восьмая о Иване-богатыре, мужицком сыне (1787)].

Таким образом, семантическое развитие *лишь* шло в направлении от частного ('то, что больше чего-либо однородного') к общему ('нечто отдельное вне сравнения с чем-то другим') и сопровождалось переходом лексемы между классами самостоятельных и служебных частей речи.

Литература

- Bobrik, M. A. 2014. [Pop Upyr' Lichyj: the syntactical function and the meaning of the epitheton lichyj]. Lih li pop Upyr'? (Znachenie epiteta lihyi v zapisi pisca Tolkovyh prorokov). In: Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. № 1 (27). 265–272.
- Бобрик, М. А. 2014: Лих ли поп Упырь? (Значение эпитета лихьи в записи писца Толковых пророков). Русский язык в научном освещении. № 1 (27). 265–272.
- Cherkasova, E. T. 1967: *Perehod polnoznachnyh slov v predlogi*. [The transition of full-meaning words into prepositions]. Moscow.
- Черкасова, Е. Т. 1967: *Переход полнозначных слов в предлоги*. М.
- Churmaeva, N. V. 1989: [The history of adverbs in the Russian language]. *Istoriya narechij v rusском yazyke*. Moscow.
- Чурмаева, Н. В. 1989: *История наречий в русском языке*. М.: Наука.
- Dic. XI–XIV 1991 — Avanesov, R. I. (ch. ed.). [Dictionary of the ancient Russian language of the XI–XIV centuries. Volume IV]. *Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv. Tom IV (izzhivati — molenie)*. Moscow.
- Сл. XI–XIV 1991 — Аванесов, Р. И. (гл. ред.). 1991: *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Том IV (изживати — моление)*. М.
- Dic. XI–XVII 1981 — Filin F. P. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries. Issue 8]. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vypusk 8. Krada — Lyashchina*. М.
- Сл. XI–XVII 1981 — Филин Ф. П. *Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 8. Крада — лящина*. М.

- Dic. XVIII 2000 — Sorokin Yu. S. [Dictionary of the Russian language of the XVIII century. Issue 11]. Slovar' russkogo yazyka XVIII v. Vypusk 11. Krepost' — L'nyanoj. Saint Petersburg.
- Сл. XVIII 2000 — Сорокин Ю. С. Словарь русского языка XVIII в. Выпуск 11. Крепость — Льяной. СПб.: Наука, 2000.
- Korečný F. 1980: Etymologický slovník slovanských jazyků — Slova gramatická a zájmena. Sv. 2, Spojky, částice, zájmena a zájmenná adverbia. Praha.
- Ruscorpora (НКРЯ) — National Corpus of Russian Language: <https://ruscorpora.ru/>.
Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: <https://ruscorpora.ru/>.
- Sahno, S. L. 2019: [Modality of restriction: cognitive and semantic-communicative aspects of Russian particles with the meaning of restriction (tol'ko versus lish')]. In: *Yazyk i myshlenie: psichologicheskie i lingvisticheskie aspekty: Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Koduhova, Moskva, 15–17 maya 2019 goda*. Moscow, 49–51.
- Сахно, С. Л. 2019: Модальность ограничения: когнитивные и семантико-коммуникативные аспекты русских частиц со значением ограничения (только versus лишь). В сб.: *Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: Материалы XIX международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В. И. Кодухова, Москва, 15–17 мая 2019 года*. М.: МПГУ, 49–51.
- Shansky, N. M., Ivanov, V. V., Shanskaya, T. V. 1971: *Kratkiy etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. [A short etymological dictionary of the Russian language]. М.: Prosveshcheniye.
- Шанский, Н. М., Иванов, В. В., Шанская, Т. В. 1971: *Краткий этимологический словарь русского языка*. М.: Просвещение.
- Tsyganenko G. P. 1989: [Etymological dictionary of the Russian language]. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. Kiev.
- Цыганенко Г. П. *Этимологический словарь русского языка*. Киев.
- Vasmer, M. 1986: *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. [Etymological dictionary of the Russian language. Volume II]. Tom II (E–Muzh). Moscow.
- Фасмер, М. 1986: *Этимологический словарь русского языка*. Том II (Е–Муж). М.